

Звуки пипы то затихали, то раздавались вновь. Под этот прерывистый перебор Цинлу легкой походкой поднялась по лестнице. Заметив Цзиньли, которая сидела на кушетке с инструментом в руках и лениво касалась струн, служанка не смогла сдержать радостной улыбки.

Она не стала подходить к хозяйке, чтобы не мешать ей, а лишь похлопала по висевшему на поясе кошелью. Выудив оттуда сверток из грубой желтоватой бумаги, она опустила его на длинный узкий столик перед Сы Вэем.

— Держи, пчелиный воск, как ты и просил.

Сы Вэй развернул бумагу. Внутри лежал неровный брусок воска размером чуть больше его ладони. Темно-желтый, невзрачный, издали он напоминал кусок простого мыла, однако ни неприятного запаха, ни затхлости от него не исходило — напротив, слабо пахло медовой сладостью.

— Цинлу, я вчера видел у барышни жаровню для чая, — заговорил Сы Вэй, помедлив. — Можно мне одолжить ее? И если найдутся пустые баночки из-под притирок или румян, принеси тоже. Очень пригодятся.

Цинлу не стала расспрашивать, зачем ему все это. Для нее главным было то, что госпожа наконец ожила и отвлеклась от своей вечной хандры. Радостно кивнув, она звонко отозвалась:

— Пустые флаконы в другом месте днем с огнем не сыщешь, но у нас-то в башне добра этого навалом! Девчата их сотнями переводят. Жди здесь, мигом притащу. Да, чуть не забыла, — добавила служанка. — Госпожа Лю просила узнать, определился ли ты с оттенками пудры. Если выбрал, она велит лавочникам привезти все разом. Конец года на носу, закупки у нас знатные, так что торговцы с радостью отдадут товар со скидкой. Им ведь тоже хочется закрыть дела до праздников.

Сы Вэй покачал головой:

— Выбор скудный. Все больше выбеленные цвета да бледно-розовые. Самый темный из них — этот «нежно-красный», но и он слишком блеклый. Не подойдет.

Этот оттенок, хоть и назывался «нежным», напоминал увядающий персик — приглушенный, уходящий скорее в пастельный розовый, нежели в благородный алый. Больше всего он походил на сок спелой питайи, разбавленный молоком.

Цинлу на мгновение лишилась дара речи. Оглядев выстроившиеся в ряд на столике баночки, она покачала головой:

— И откуда ты такой привередливый взялся? Из каких краев?

Сы Вэй удивленно приподнял бровь:

— О чем ты?

Цинлу ткнула пальцем в дюжину крошечных, величиной с голубиное яйцо, флакончиков, выстроившихся ровным строем:

— Настоящие румяна — штука дорогая, госпожа Лю на них для всех девчат тратить не станет. Кто побогаче, сами покупают притирки в городе, выкладывая за них поцелованный серебряный таэль. Но наша Башня Весенней реки — лучшее заведение в уезде Цзю, и на обычной пудре у нас не экономят. Да хозяева лавок привозят нам больше оттенков, чем выставляют на собственные прилавки! И после этого ты заявляешь, что тебе мало цветов?

Цинлу легонько щелкнула его пальцем по щеке:

— Батюшки мои... То ли я, с пеленок в этих белилах да румянах выросшая, ничего в жизни не видела, то ли ты, замарашка тощая, больно много о себе возомнила? Вчера вечером ты с порога заявила: мол, подавай тебе по коробке каждого цвета, — Цинлу прищурилась, вглядываясь в лицо подростка. — Жидкие румяна и притирки действительно куда разнообразнее сухой пудры, особенно те, что настаивают на лепестках редких цветов... Но скажи на милость, в каком таком благородном доме ты умудрилась на все это насмотреться?

Сы Вэй, собиравшийся высыпать горсть древесного угля в ступку, замер.

«Совсем забыл. В этом мире, обделенном благами мануфактур и фабрик, не только благовония ценятся на вес золота. Обычные красители стоят целое состояние»

А ведь краску нужно растирать в тончайшую пудру, смешивать с основой, добиваться стойкости цвета. Да и не всякий минерал нанесешь на лицо без вреда для здоровья — свинец и сурьма губят кожу быстрее старости.

Растительные же красители... Короткий век цветения, бесконечные часы кропотливого труда, тонны лепестков, которые нужно бережно перебрать вручную ради крохотной капли драгоценного сока. Сколько рук должно трудиться ради одной-единственной коробочки?

В прошлой жизни Сы Вэй по долгу службы привык к палеткам теней и румян размером с добрый веер, где красовались десятки оттенков на любой вкус. В этой же жизни, прозябая в нищете, он даже не задумывался, насколько недоступной роскошью здесь были притирки.

Он неловко кашлянул под пристальными взглядами. Цзиньли на кушетке перестала терзать струны и с любопытством прислушивалась к их разговору, а Цинлу и вовсе буравила его глазами. Поняв, что сболтнул лишнего, Сы Вэй поспешил сменить тему:

— Принеси, пожалуйста, жаровню барышни. И пару ненужных тарелок или плошек, если найдутся.

Цзиньли тихонько рассмеялась. Не став испытывать тайны нежданного гостя, она небрежно махнула служанке:

— Ступай, принеси мою дорожную жаровню. Да поищи пустые коробочки из-под белил.

Цинлу смирившись взглядом Сы Вэя подозрительным взглядом, но перечить не посмела. Буркнув согласие, она застучала каблучками вниз по ступеням.

В Павильоне Туманов лишней посуды отродясь не водилось. Все эти изящные чарки, чаши и кувшины служили лишь для улады глаз почтенных гостей. Повседневную утварь приносили из кухни вместе с едой и сразу же уносили обратно. То же, что выставлялось на резных полках шкафа-витрины, стоило слишком дорого, чтобы использовать под грязную работу.

Зато баночек из-под белил и помад здесь было предостаточно. Уже через несколько минут Цинлу вернулась, бережно неся в подоле пять или шесть круглых, размером с ладонь, коробочек.

Маленькая бронзовая жаровня и фаянсовые флаконы заняли свое место перед Сы Вэем. На глазурованной глине красовались изящные рисунки: пышные пионы, тонкие перья диких орхидей, узловатые ветви цветущей сливы и скромные бутоны гардении.

— Хватит? — затараторила Цинлу. — Если мало, я у госпожи Лю еще выпрошу. Посуда эта копеечная, пустые баночки лавочники принимают обратно в зачет будущих покупок. Перед праздниками они повезут новую партию притинок, так что у нашей экономки этих коробок скопилось до самого потолка.

Сы Вэй на секунду задумался.

— Раз они ничего не стоят, принеси еще парочку. Лишними не будут.

Служанка кивнула и бросила быстрый взгляд на Цзиньли. Та по-прежнему сидела спиной к ним, не проявляя интереса к их возне. Цинлу бесшумно выскользнула за дверь.

Сы Вэй проследил за ее взглядом. Цзиньли устроилась у самого окна. Она неторопливо перебирала шелковые нити струн тонкими пальцами. Мягкий полуденный свет, пробиваясь сквозь натянутый на рамы шелк, окутывал ее фигуру золотистым ореолом. В этом сиянии ее точеный профиль, полуопущенные ресницы и выбившаяся из прически прядь казались картиной неизвестного мастера. На миг Сы Вэю почудилось, будто само время замедлило свой ход, застыв в зыбком безмолвии комнаты.

Но наваждение быстро рассеялось. Сы Вэй тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли. У него не было права на праздность. Время неумолимо шло вперед. Банкет в канун Нового года приближался с каждым днем, а в деревне Линьвань совсем одна лежала больная госпожа Ю. Разве мог он позволить себе тратить драгоценные минуты на созерцание чужой красоты?

Сы Вэй принялся за работу. Он тщательно растер древесный уголь в ступке, превращая его в невесомую пыль. Затем пересыпал получившуюся смесь в бамбуковое сито — плотный ковш, сплетенный из тончайшей лозы. Темное облако взмыло вверх, заставив его закашляться от едкой пыли, но самая мелкая, бархатистая фракция угля просеялась сквозь плетение прямо на дно приготовленной баночки.

Круглая фаянсовая коробочка без крышки походила на крошечный глиняный горшок — пузатый, но слишком мелкий. Много туда не помещалось, но угольный порошок заполнил ее почти до краев.

Угли в маленькой жаровне уже разгорелись. Голубоватые язычки пламени неторопливо лизали дно плоской чаши, которую Сы Вэй пристроил сверху.

Отрезав небольшой кусок пчелиного воска, Сы Вэй положил его в пустую баночку. Воск плавился медленно, неохотно превращаясь в прозрачную янтарную жидкость. Когда он стал совсем жидким, Сы Вэй аккуратно перелил его в коробочку с угольной пылью.

Поначалу сухой порошок и вязкое масло не хотели соединяться — темная пыль упрямо плавала на поверхности жидкого воска. Сы Вэй взял тонкую палочку для чистки зубов и принялся терпеливо вымешивать массу, пока обе субстанции наконец не уступили его воле, образовав густую однородную пасту.

Черная, как смоль, жижа медленно вращалась под ударами палочки. По мере нагревания она забурилась на дне фаянсовой площадки. Опасаясь, что смесь подгорит, Сы Вэй быстро подхватил горячий сосуд тряпицей, переставил на стол и тут же ухватился пальцами за мочки ушей, спасаясь от обжигающего жара. Зимой кожа на морозе быстро немеет, так что боль от ожога он почувствовал лишь мгновение спустя, когда баночка уже мирно остывала на столе. К счастью, смесь не успела раскалиться слишком сильно.

Достав из узла нетронутый доселе деревянный ларец, Сы Вэй извлек из него стопку тонких бумажных листков — так называемую помадную бумагу.

Эти листки, густо пропитанные красителями, казались сухими и невзрачными. Их оттенки варьировались от бурого, похожего на запекшуюся кровь, до тускло-фиолетового. Однако в правом верхнем углу каждого листка красовались изящно вырезанные иероглифы, обозначающие истинный цвет, который раскрывался лишь при соприкосновении с влагой.

Сы Вэй бегло перебрал стопку: «Алый бутон», «Коралл», «Закатное солнце», «Нежная заря», «Киноварь», «Спелая вишня», «Глубокий багрянец»...

Сы Вэй покачал головой. Перед ним лежала знаменитая помадная бумага, которую в народе также величали «шелковыми румянами».

Процесс ее изготовления требовал невероятного терпения: лепестки свежих цветов растирали в кашицу, отжимали сок, добавляли закрепляющие квасцы, а затем раз за разом пропитывали этой смесью тончайшие хлопковые или шелковые лоскуты, высушивая их на солнце после каждого окрашивания. Женщинам оставалось лишь слегка смочить бумажку водой или слюной и прижать к губам, чтобы те окрасились в сочный оттенок.

Поскольку такая помада расходовалась очень экономно и один листок служил неделями, она стоила недорого и пользовалась огромной популярностью у простых горожанок. А вот густые притирки в коробочках были товаром штучным, доступным далеко не каждой.

В эту эпоху румяна и помаду не разделяли. Одно и то же средство наносили и на щеки, и на губы. Основу составлял очищенный бычий или бараний жир, который топили, смешивали с цветочными экстрактами и дорогими благовониями, чтобы отбить тяжелый животный запах. Полученную мазь разливали по крошечным фарфоровым баночкам. Достаточно было слегка коснуться ее пальцем и растереть по нежной коже лица. Именно такие благовонные мази и называли настоящими румянами. Стоили они баснословно дорого.

В отличие от дешевой сухой пудры, жировые румяна ложились идеально ровным, почти прозрачным слоем и не осыпались. Но из-за дороговизны мускуса, сандала и амбры, которыми глушили запах топленого сала, позволить себе подобную роскошь могли лишь обительницы богатых усадеб да элитных заведений вроде Башни Весенней реки.

Сы Вэй аккуратно уложил несколько листов помадной бумаги в пустую емкость, залил ключевой водой из чайника и водрузил на жаровню. На слабом огне вода начала прогреваться, и сухой бурый пигмент лениво, тонкой струйкой стал растворяться в ней, окрашивая жидкость в густой алый цвет.

Проделав это несколько раз с разными листками, Сы Вэй получил две баночки яркого, насыщенного раствора. Один отливал вишневой спелостью, другой — теплой киноварью. Разгуляться было негде: из пяти добытых Цинлу флаконов один он пустил на угольный деготь, во втором топил воск, так что для экспериментов с цветом у него оставалось всего две чистые плоскости.

Выловив истощенные бумажные лоскуты, Сы Вэй крошил в горячую воду немного воска. Под действием тепла восковые хлопья растаяли, затянув поверхность алым глянцем. Помешивая палочкой, он добился того, чтобы краситель и воск полностью соединились, после чего снял баночки с жаровни и выставил их остывать на подоконник.

К этому времени черная смесь в первой баночке уже полностью застыла. Сы Вэй осторожно коснулся пальцем темной поверхности. Масса поддалась под легким нажимом, оставив на подушечке глубокий, матовый черный след. Текстура получилась на удивление гладкой, маслянистой и плотной.

Сы Вэй вздохнул.

«Отлично. Но чтобы нанести это средство, придется смастерить хоть какое-то подобие щеточки»

Он прихлопнул баночку фаянсовой крышкой и отставил ее в сторону. Очнувшись от работы, он вдруг заметил, что хаотичный перебор струн за его спиной сменился стройной, плавной мелодией.

<http://bllate.org/book/18280/1759095>